

СИМВОЛИКА ДИСКУРСА ЖАНА БОДРИЙЯРА

Данная статья посвящается выявлению интеллектуальных истоков концепции Ж. Бодрийяра. Симулякр – центральный символ бодрийяровского дискурса, без прояснения которого невозможна систематизация его взглядов на роль потребления в современном западном мире.

Ключевые слова: символический обмен, симулякр, общество потребления.

60-е годы прошлого столетия были периодом бурного развития теорий постиндустриального общества. Фундаментальным трудом, обобщившим теоретическое осмысление важнейших тенденций западного общества, стала книга Даниела Белла «Грядущее постиндустриальное общество» (1973).

Д. Белл отметил, что в постиндустриальном обществе основным производственным ресурсом становится информация, основным продуктом производства – услуги, а место капитала занимают знания. Была исследована особая роль науки и образования, повышения качества жизни и потребления.

Затем кардинальные предпосылки европейской культурной традиции подвергли пересмотру представители постмодернизма. Они изменили взгляд на позицию субъекта как центра и источника системы представлений. Место субъекта истории и познания заняли различные безличные структуры, такие как потоки желания и интенсивности (Ж. Делез и Ф. Гваттари), трансгрессия и эротизм (Ж. Батай), соблазн в его гиперреальном измерении (Ж. Бодрийяр). Был подвергнут критике логоцентризм западной метафизики.

Эра модернизма XIX века создала взаимосвязанную и взаимосогласованную систему производства вместе с обменом, распределением и потреблением. Это система «модернити», основанная как на своем фундаменте на производстве товаров, капиталов, вещей.

После Второй мировой войны возникло общество, которое решило задачу производства, и на первый план выступила задача потребления. Приоритеты всей системы изменились, следовало готовиться к изобилию, как в теоретическом, так и в практическом отношении. Для теоретиков открылась новая сфера исследования. Предстояло создать строгие научные методы

для развития, функционирования и глубокой социальной критики, по сути дела, новой системы. Феномен капиталистического производства оказался в новейшую эпоху не определяющим, а был включен в систему знаковых отношений на правах подсистемы. Философ, социолог и эстет Бодрийяр намечает задачу – на месте политической экономии материального производства и обращения разработать «политическую экономию знака».

Фундаментальным признаком нового этапа развития общества выступило потребление. Анализа этапа производства (К. Маркс) оказалось недостаточно для успешного функционирования нового общества. Так же как в индустриальном обществе существенно важным было исследование функционирования капиталов, так и в новом обществе следовало изучить интенсивный процесс выбора, организации и регулярного обновления бытовых вещей.

Приобретая вещи, человек стремится к вечно ускользающему идеалу – модному образцу-модели, опережает время благодаря покупке в кредит, пытается зафиксировать и присвоить себе время, собирая раритеты, коллекционные вещи. Для утверждения и регулирования такого способа обращения с вещами служит реклама, цель которой – не столько способствовать продаже того или иного конкретного товара, сколько внедрять в сознание людей целостный образ общества, «одаривающего» своих членов материальными благами.

В системе потребления каждый человек имеет по преимуществу дело не с вещами как таковыми, а с культурными знаками, обмен между которыми идет непрерывно, со все нарастающей скоростью. Обмен знаками происходит в рамках структурного кода, при этом знаки все более отрываются от человеческого смысла. Нарастает волна знаков дегуманизированной

ной культуры, которая отрывает человека от реальности, отчуждает его от понимания мира.

Центральным понятием новой общественной системы стал «симулякр» как ложное подобие, превращающее реальную природу и историю в условный знак природности и историчности. Симулякры Бодрийяра все больше заполняли мир, не давая доступа к «подлинности», к реальности. Была создана критическая теория современного мира как мира знаков и подобий. Именно этому миру соответствовали новейшие формы постмодернистского искусства.

Симулякр – термин философии и эстетики постмодернизма, философии не тождества, а различия. В классических эстетических системах фундаментальную роль играет художественный образ, отражающий реальность, в постмодернистской эстетике наиболее репрезентативна теория эстетического симулякра, стирающая различия между реальным и воображаемым.

Генетически теория симулякра восходит к термину «симулякрум», обозначавшему у Платона «копию копии», где в качестве «подлинника» рассматривается идея вещи, а в качестве «копии» – повторение «подлинника». Если «копия» Платона обладает сходством с «подлинником», то симулякр таким сходством не обладает. Смысловое значение понятия «симулякр» может меняться в зависимости от модели применения. В контексте репрезентативной модели симулякр понимается как копия копии, удвоение удвоения. Различие с идеей вещи приводит к нерепрезентативной модели, в которой симулякр искажает свой прототип, лишается онтологического статуса. В рамках репрезентативной концепции симулякр представляется в качестве исключительно искусственной негативной сущности. Отметим, что Платон стремился установить соответствие хаоса и трансцендентной идеи и придал призракам особую жизненную силу, рассматривая их в качестве образцов, по которым развивается действительность.

В диалоге «Софист» Платон приходит к выводу, что творчество является либо божественным, творящим природные предметы и их отображения, либо человеческим, творящим искусственные предметы и их отображения (создавая предметы, человек симулирует деятельность бога). Софист, будучи оппонентом Платона, отображает искусственные предметы, то есть подражает (симулирует предметы, созданные человеком). Далее Пла-

тон говорит, что человеческое подражание бывает двух видов – творящее образы, соответствующие предметам, и творящее призраки, им не соответствующие. Софист творит призраки, причем призраки он создает не при помощи специальных средств, например маски, а создает своим телом, голосом, лицом. В таком случае симулякр обретает телесность и становится виртуальным. А поскольку подражание софиста основывается не на знании, а на мнении, то он подражает, не зная того, чему он подражает. Виртуальная реальность симулякра существует не на основе отражения, а по другим законам.

В философии Платона истина дана нам по преимуществу объективно. Вместе с тем Платон отмечает, что в структуре бытия присутствуют объекты, которые сегодня определяются как виртуальные. Симулякр, напротив, не копирует ни вещи, ни идеи вещей, не подчиняется однозначной бинарной логике. Игра симулякров удваивает и включает в себя бинарные оппозиции и противоречия, но лишь в качестве одной из возможностей. Иначе говоря, внутри репрезентативной модели идеи возникает нерепрезентативная модель симулякра.

Отказываясь от идеи референции, постмодернизм радикализирует интерпретацию симулякра. В результате отражение глубинной реальности сменяется ее деформацией, в процессе следующих стадий развития нарастает эмансипация кодов от референтов, что приводит к утрате какой-либо связи с реальностью, видимость сменяется симулякром. В качестве переходного звена от реального объекта к симулякру появляется кич как стереотип, псевдовещь. Иллюзия берет верх над метафорой, виртуальное торжествует над реальным, современность определяется властью симулякра.

Симулякру нельзя дать точного определения, для него характерна размытость, симуляция реальности. Не случайно Бодрийяр оценил Иракскую кампанию 1991 года в Персидском заливе в качестве «войны, которой не было», как некую «виртуальную невероятность». По его мнению, логика происходящих событий в той кампании не была ни логикой войны, ни логикой мира. Агрессор был отгорожен дисплеями от реального театра военных действий, запускаемая смертоносные ракеты, летчики и моряки оказались полностью выключенными от ужасов войны. Наблюдавшие за этой войной телезрите-

ли не могли знать, что происходило на самом деле, а могли судить о действительности только из пропагандистских американских репортажей [1, с. 33–36]. Постмодернистский прием использован В. Пелевиным в романе «Чапаев и Пустота». Пустота, зеркало и симулякр – ключевые интеллектуальные символы постмодерна.

Исходя из такого противопоставления модели идеи и идеи симулякра, возникает противопоставление убеждений – истина дана нам объективно, что утверждает Платон и его последователи, а ныне стараниями постмодернистов крепнет убеждение, что истина не дана нам объективно, она вырабатывается в рамках дискурсивной или социальной практики, которые являются интерпретациями предшествующих систем. Постструктуралисты: Жак Деррида, Жиль Делез, Жан Бодрийяр, – отказываясь от идеи референции, утверждают, что современность определяется властью симулякров, властью энтропии культурной энергии. Созданный постмодернистской культурой симулякр – искусственный фантом – обладает большей сенсорной и эмоциональной насыщенностью, чем образы реального мира. Бодрийяр сравнивает культуру XX века с засыпающей осенней мухой.

В современном мире-тексте симулякр, возникающий в процессе различения, полностью эмансипируется от референта: означающее в нем может отсылать к другому означающему, выступающему в качестве означающего. Решающим свойством симулякра выступает его принципиальная несоотнесенность и несоотносимость с какой бы то ни было реальностью. Любая идентичность в философии постмодерна невозможна, так как считается, что понятия в принципе несоотносимы с реальностью. Джеймисон определяет симулякр точной копией, «оригинал которой никогда не существовал». Симулякр выступает как форма фиксации нефиксируемых состояний (смех, хмель, жертва). В речи «симулякр симулякра» (Батай) упраздняет возможность самой мысли о какой бы то ни было идентичности, поскольку происходит деструктурирующая потеря смысла. В ситуации подобного общения «язык уступает безмолвию», а «понятие уступает симулякру» (Клоссовски). Если на основе понятийного общения возможно устойчивое взаимопонимание, то «симулякр есть... сообщество, мотивы которого не только не поддаются определению, но и не пытаются самоопределяться» (Клоссовски). Таким образом, симулякр

не совсем псевдопонятие. Псевдопонятие можно было бы изболтать как ложное. Симулякр образует знак мгновенного состояния, а потому не может позволить перехода одной мысли в другую и предполагает особую восприимчивость собеседника. Такого рода коммуникация основана не на семантически значимых понятиях, а на кооперации сиоминутных семантических ассоциаций коммуникативных партнеров. Язык упраздняется на том основании, что он образован из предложений, выступающих от имени идентичностей. В качестве замены языка предлагается «мышление интенсивностей» Лиотара, «варианты кодов» Р. Барта.

Выговаривая симулякры, человек фактически избавляется от себя как субъекта, обращаясь к другим субъектам, опираясь на содержание опыта, открытого для любых конфигураций. Происходит смерть субъекта, поскольку смыслопорождение предстает в таком контексте как самоорганизация освобожденного от смысла субъекта.

Следует различать симулякр и подделку как два различных модуса деструкции. Подделка – это копия копии, которая может изменить свою природу и в определенной точке обратиться в симулякр. Подделка осуществляет разрушение ради увековечивания установленного порядка репрезентаций, образцов и копий, а симулякр – ради установления творящего хаоса. И тот и другой вид знаков используется в современной культуре. Подделка порождает ирреальность, заполняет пространство означающими-фантомами. Симулякр порождает гиперреальность, открывает перед философией и искусством новые возможности.

Отсюда следует, что для постмодерниста Бодрийяра истина существует, но лишь как возможность ее познания в форме неполной, относительной истины. Истина заявляет о себе как возможность не-истины, представленной в иконах, фантазиях, симулякрах. В той мере, в какой истина достижима, она есть всего лишь одна из возможностей дискурсивной практики. Симулякр позволяет открывать все новые и новые пространства в сфере познания, он способен представить и непредставимое, таким образом, его можно обозначить как способ раскрытия пространства.

По Бодрийяру, симулякр никаким образом не соотносится ни с какой реальностью, кроме своей собственной. Если функции знака – ото-

бражать, символа – представлять, то говорить о каком-либо соответствии в отношении симулякра не имеет смысла.

Считается, что наиболее глубокая разработка понятия «симулякр» принадлежит Жюлью Делезу. Для Делеза симулякр – образ, лишенный подобия, изображение, лишенное сходства. В качестве иллюстрации он приводит пример из Библии: «Бог сотворил человека по своему образу и подобию, но в результате грехопадения человек утратил подобие, сохранив, однако, образ». Мы стали симулякрами. Утратив моральное существование, мы вступили в существование эстетическое. Симулякр лишь производит впечатление подобия. Для Делеза симулякр – не просто вырожденная копия, в нем кроется позитивная сила, которая применима в художественном творчестве.

Если Делез разрабатывал по преимуществу онтологические аспекты симуляции, то Бодрийяр остановил особое внимание на социальных сторонах явления и пришел к выводу об «утрате реальности» в современную эпоху, когда ей на смену приходит «гиперреальность». «Знаки» больше не обмениваются на «означающее», они замкнуты сами на себя. Функционирование социальной системы далее продолжается как симуляция, скрывающая отсутствие «глубинной реальности». Симулякр творит собственную реальность, проходя в своем развитии «три порядка»: «подделка – производство – симуляция». Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка – на основе структурного закона ценности [2, с. 111].

Бодрийяр пришел к выводу, что симуляция модернистски понимаемой социальности стала тотальной практикой в постмодернистскую эпоху. Посредством виртуальных технологий симуляция вошла неотъемлемым деятельностным компонентом во все подсистемы информационного общества. Можно говорить о вытеснении отражения действительности ее симуляцией. Симулятивная деятельность ставит под вопрос устойчивость социальных структур.

Ж. Бодрийяр выделяет два вида потребления – удовлетворение потребностей людей и знаковое потребление, ставшее своего рода языком общения между людьми. Французский философ констатирует «усталость» от переизбытка во

всем и везде, как в производстве, так и в потреблении. При этом он акцентирует внимание на том, что «потребление как бы опережает... производство» и ставит человека в новую форму зависимости – «обязанность покупать, чтобы общество продолжало производить, а сам он мог работать дальше, дабы было чем заплатить за уже купленное» [3, с. 194]. В потребительском обществе «масштаб» личности пропорционален количеству вещей, которые эта личность имеет. «Общество потребления» провоцирует людей на то, чтобы их оценивали не по тому, что они умеют, а по тому, что они «имеют». Изобилие, согласно Бодрийяру, – это не количество произведенных вещей, а мироощущение человека, понимание того, что у него достаточно средств для удовлетворения своих потребностей.

Рассуждая о роли знака в обществе, Ж. Бодрийяр приходит к мысли о том, что потребительское общество культивирует отношение к ценностям как к пустым знакам, тем самым знак заменяет собой реальность. Современное общество, основанное на накоплении, на вере в прогресс и рост производства, на определенной ступени становится обратимым и разрушается: «Все существует в молниеносном ракурсе, где заканчивается полный цикл накопления власти или истины. Нет никогда ни инверсии, ни субверсии: цикл должен быть завершен. В этом ракурсе разыгрывается смерть» [4, с. 90]. Охватив знаковую сферу общественной жизни, Бодрийяр пришел к мысли о конце социального, политического, экономического [5, с. 94–95].

Современная культурная ситуация, открытие новейших нано-, био-, генно-, нейроинформационных технологий диктуют необходимость нового осмысления проблем человечества, осознания того, что человек может обрести, а что потерять. Жан Бодрийяр попытался углубить марксистскую критику буржуазного общества, выявив механизмы отчуждения личности не только в сфере товарного производства, но и в сфере потребления. Отчуждение происходит не только в экономических отношениях между людьми, но и на уровне вещей, которые утрачивают собственную реальность, становясь знаками потребительского благополучия.

Симулякр, по Бодрийяру, создал вместо классов «массы». «Массы» – молчаливое большинство, черная дыра, поглощающая все социальное и антисоциальное. Массы не могут

быть управляемы никакой политической властью, но порождают иллюзии быть властью. Они сочетают в себе сверхуправляемость и катастрофическую угрозу тотальной дерегуляции. Массы дают тавтологические ответы на все вопросы, ибо на самом деле они безмолвны, как звери.

Обобщенная критическая теория современного мира как мира знаков и подобий выдвину-

ла Бодрийяра в ряд ведущих теоретиков пост-модернистского состояния общества.

Постигая природу человека развитого индустриального общества, мыслитель делает вывод о том, что «отказ от смысла смысла не имеет», и уповает на некие катастрофические вмешательства, которые разрушат знаковый мир западного человека и вернут его в мир реальных вещей и отношений.

29.03.2011

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. №3.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления, его символы и структуры. М.: Культурная революция, 2006. – 269 с.
4. Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. СПб.: Владимир Даль, 2000. – 257 с.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 96 с.

Сведения об авторах: **Закирова Татьяна Валерьевна**, аспирант кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, к. 2309, тел. (3532) 37-25-73, e-mail: istfil@mail.osu.ru

Кашин Валерий Васильевич, профессор кафедры социальной философии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, к. 2314, тел. (3532) 37-25-83, e-mail: socf@mail.osu.ru

UDC 141.78**Zakirova T.V., Kashin V.V.**

Orenburg state university, e-mail: tanja1568@yandex.ru

SYMBOLISM OF DISCOURSE BY JEAN BAUDRILLARD

This article is dedicated to identifying intellectual origins of the concept of Jean Baudrillard. Simulacrum is the central character of Baudrillard's discourse, without which it is impossible to clarify his views on the systematization of the role of consumption in the Western world.

Key words: symbolic exchange, simulacrum, a consumer society.

Bibliography:

1. Baudrillard J. Gulf War was not // Art Magazine. № 3.
2. J. Baudrillard Symbolic Exchange and Death. M. Dobrosvet, 2000. - 387.
3. Baudrillard J. Consumer Society, His character and structure. Moscow's Cultural Revolution. 2006. - 269.
4. Forget Foucault Baudrillard Jean. SPb.: Vladimir Dal, 2000. - 257.
5. Baudrillard J. In the shadow of the silent majority, or the end of the social. Ekaterinburg: Izd-vo Ural State University, 2000. - 96.